

«Суд распределит лавры»

«Устроили обыск у любителей»

«Преступники нам сравнительно легко даются, а пострадавших нам трудно отыскать»

Правовые сюжеты в произведениях Михаила Михайловича ЗОЩЕНКО

«А третий такое сказал, что и передать неловко»

«Поступлю-ка я в налётчики, ёлки-палки»

«А вообще мамаша юриста напрасно на высшее образование сынку разорялась»

«А насчет преступной лошади...»

Перечень рассказов:

«Дрова»

«Юрист из провинции»

«Актер»

«На дне»

«Мокрое дело»

«Засыпались»

«Собачий нюх»

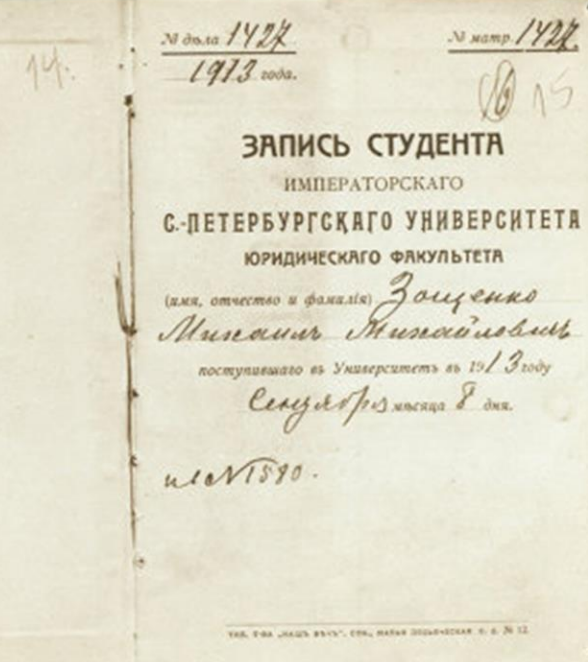
«Попалась, которая кусалась»

«Вор»

Михаил Михайлович Зощенко родился в Петербурге 29 июля 1894 года. Его отец М.И. Зощенко — потомственный дворянин, художник, близкий к «передвижникам». Он умер, когда сыну было двенадцать лет. Мать Е.И. Зощенко была актрисой, играла в любительском театре, писала небольшие рассказы, которые печатались в газете «Копейка». Первые литературные опыты Михаила Зощенко относятся к детским годам. В восьмилетнем возрасте он уже пробовал писать стихи, а в одиннадцать лет написал первый рассказ «Пальто».

Сдав выпускные экзамены в гимназии, в 1913 году Зощенко поступил на юридический факультет Петербургского университета, но был исключен за «невзнос платы за весеннее полугодие 1914 года». Впоследствии он писал о том, что учебной практикой практически не интересовался и сдал только один экзамен по римскому праву. Через шесть лет Зощенко снова пришел в Университет, на филологические курсы, но бросил учебу, не приступив к занятиям.

После курса Павловского военного пехотного училища М.М. Зоценко был произведен в чин прапорщика и направлен на фронт Первой мировой войны. За храбрость он заслужил два ордена. В ночь на 20 июля 1916 года на позициях его части германская армия применила газовую атаку, и отравленный Зоценко попал в госпиталь. После лечения он был признан непригодным для военной службы, но вскоре сам вернулся в строй, продолжая проявлять воинскую доблесть и получая заслуженные награды. Накануне Февральской революции у него обострились последствия газового отравления, и штабс-капитана Зоценко перевели в запас.

При Временном правительстве Михаил Михайлович получил назначение на должность начальника почтамта и телеграфа Петрограда. Октябрьскую революцию он встретил в Архангельске. В 1919 году Зоценко стал добровольцем Красной Армии: командиром пулеметной команды и затем полковым адъютантом. Через полгода по состоянию здоровья он уволился из армии.

«За три года я переменял двенадцать городов и десять профессий. Я был: милиционером, счетоводом, инструктором по птицеводству, телефонистом охраны, агентом пограничной розыска, секретарем уголовного дела, производителем суда».

М.М. Зощенко. «Перед восходом солнца»

На пути к профессиональному писательству М.М. Зощенко сменил свыше десятка профессий. В 1920 году он начал заниматься в литературной студии, организованной при издательстве «Всемирная литература» под руководством К.И. Чуковского. Познакомившись с писателями В. Кавериним, Вс. Ивановым, Л. Лунцем, К. Фединим, Зощенко вместе с ними образовал литературную группу «Серапионовы братья», выступавшую за свободу творчества от политики.

В печати М.М. Зощенко дебютировал в 1922 году с книгой «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова». Последующие произведения принесли автору широкую известность, поставив его в ряд самых популярных советских писателей. С 1922 по 1946 год его книги выдержали около 100 изданий, включая собрание сочинений. За свой писательский труд М.М. Зощенко был награжден Орденом Трудового Красного Знамени.

В предвоенные годы Михаил Михайлович много работал для детей. С началом Великой Отечественной войны М.М. Зощенко написал несколько фельетонов и совместно с Е.Л. Шварцем создал пьесу «Под липами Берлина». Спектакль по этой пьесе шел в блокадном Ленинграде. Осенью 1941 года М.М. Зощенко был эвакуирован в Алма-Ату, где работал в сценарном отделе «Мосфильма».

За повесть «Перед восходом солнца» Зощенко подвергся резкой партийной критике. В 1946 году главный идеолог СССР А.А. Жданов выступил с уничтожающей критикой публикаций М.М. Зощенко и А.А. Ахматовой в журналах «Звезда» и «Ленинград». По этому делу было принято отдельное постановление ЦК ВКП(б), где произведения опальных авторов были названы чуждыми советской литературе. М.М. Зощенко исключили из Союза писателей. Он зарабатывал на жизнь переводами, не имея права подписывать переведенные работы. Ему даже пришлось вспомнить ремесло сапожника.

После смерти Сталина, в июне 1953 года М.М. Зощенко был вновь принят в Союз писателей. Он много и плодотворно работал в журналах «Огонек» и «Крокодил». Но уже через год, за публичное несогласие с постановлением 1946 года, начался новый этап его травли. Душевное и физическое здоровье писателя было окончательно подорвано. 22 июля 1958 года Михаил Михайлович Зощенко скончался в своем доме в Сестрорецке. Писатель был погребен на кладбище Сестрорецка.

В 1994 году имя Зощенко было присвоено одной из малых планет Солнечной системы. В последней квартире писателя на Малой Конюшенной улице в Петербурге был организован музей. По произведениям М.М. Зощенко было снято несколько художественных фильмов, в том числе знаменитая комедия Л.И. Гайдая «Не может быть!». В 2003 году в Сестрорецке по проекту В.Ф. Онешко великому писателю был установлен памятник.

Дрова

«Вор на дрова идет специальный. Карманник против него — мелкая социальная плотва.

А поймали мы вора случайно.

Дрова были во дворе складены. И стали те общественные дрова пропадать. Каждый день три-четыре полена недочет. А с четвертого номера Серега Пестриков наиболее колбасится.

— Караулить,— говорит,— братишки, требуется. Иначе,— говорит,— никаким каком вора не возьмешь.

Согласился народ. Стали караулить. Караулим по очереди, а дрова пропадают.

И проходит месяц. И заявляется ко мне племянник мой, Мишка Власов.

— Я,— говорит,— дядя, как вам известно, состою в союзе химиков. И могу вам на родственных началах по пустяковой цене динамитный патрон всучить. А вы,— говорит,— заложите патрон в полено и ждите.

— Неси,— говорю,— курицын сын. Сегодня заложим.

Приносит.

Выдолбил я лодочку в полене, заложил патрон. Замуровал. И небрежно кинул полешко на дрова. И жду: что будет.

Вечером произошел в доме взрыв. Патрон взорвался в четвертом номере, в печке у Сереги Пестрикова.

Ничего я на это Сереге Пестрикову не сказал, только с грустью посмотрел на его подлое лицо, и на расстроенную квартиру, и на груды кирпича вместо печи, и на сломанные двери — и молча вышел.

Жертв была одна. Серегин жилец — инвалид Гусев — помер с испугу. Его кирпичом по балде звездануло.

А сам Серега Пестриков и его преподобная мамаша и сейчас живут на развалинах. И всей семейкой с нового году предстанут перед судом за кражу и дров пропажу.

И только одно обидно и досадно, что теперича Мишка Власов приписывает, сукин сын, себе все лавры. Но я на суде скажу, какие же, скажу, его лавры, если я и полено долбил, и патрон закладывал? Пущай суд распределит лавры».

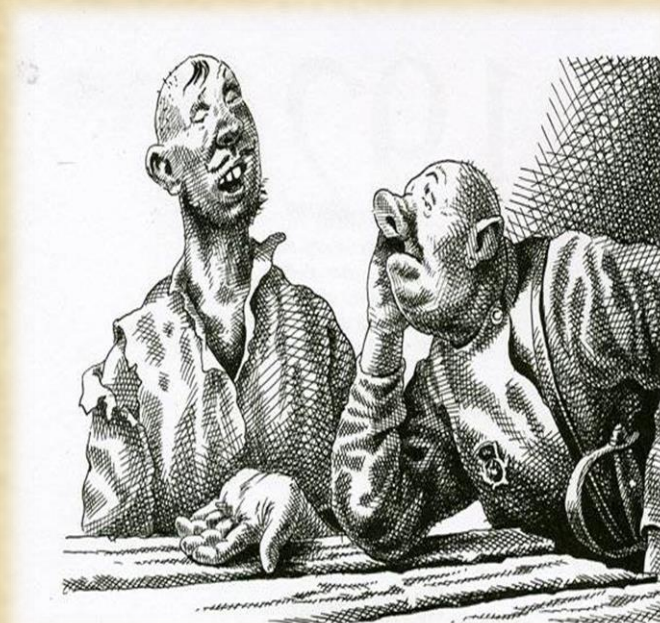

Юрист из провинции

«Дело случилось, конечно, в Екатеринославе. В доме по Чумацкому переулку. Может знаете – третий дом от угла, двухэтажный такой небоскреб. И был хозяином этого небоскреба гражданин Котков, кажись, что из нэпманов. А промежду прочим жил в этом же доме квартирант Горбатов. И снимал он небольшую квартирку у Коткова. И был он, можно сказать, жилец чистой пролетарской воды.

И, натурально, было ему противно ежедневно встречать и видеть своего домохозяина – кровавого нэпмана Коткова. А нэпман Котков тоже, конечно, в свою очередь не одобрял своего квартиранта и спуску ему не давал. Ну, и ссорились они от этого ежедневно.

Так вот однажды они поссорились. А домохозяин Котков от полноты хозяйских чувств взял да и выбил стекла в квартире Горбатова. Очень от этого факта расстроился Горбатов. Однако, ничего он на это домохозяину не сделал и даже морды ему не набил. А решил, скрепя сердце, поступить строго по закону.

И вот оделся Горбатов потеплее и пошел в одно довольно видное профсоюзное учреждение за советом: как ему быть и чем окно заткнуть и нельзя ли вообще притянуть кровавого нэпмана Коткова. Юрист надел пенсне на нос и отвечает: – Побейте и вы ему окна, только чтоб никто не видал.

Квартирант Горбатов гордо побледнел, плюнул в урну и вышел. Побил ли он дома стекла – мы не знаем. А вообще мамаша юриста напрасно на высшее образование сынку разорялась. Стекла побить или морду набить очень свободно можно и со средним образованием».

Актер

«Рассказ этот — истинное происшествие. Случилось в Астрахани. Рассказал мне об этом актер-любитель.

Вот раз ставили мы пьесу «Кто виноват». Там, значит, в одном акте грабители купца грабят на глазах у публики. Очень натурально выходит. Купец, значит, кричит, ногами отбивается. А его грабят. Жуткая пьеса.

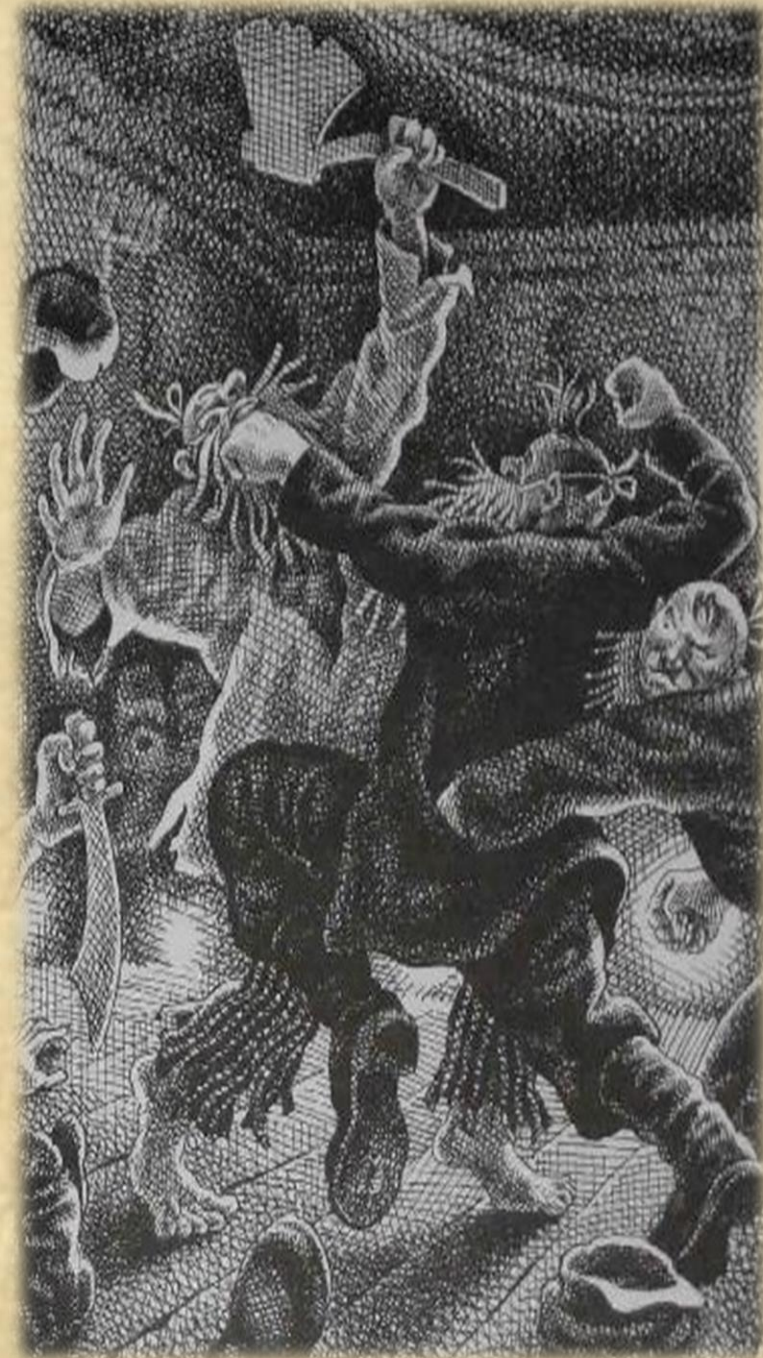
А перед самым спектаклем один любитель, который купца играл, выпил. И в жаре до того его, бродягу, растрясло, что, видим, не может роль купца вести. И, как выйдет к рампе, так нарочно электрические лампочки ногой давит.

Режиссер Иван Палыч мне говорит:

— Не придется,— говорит,— во втором акте его выпускать. Передавит, сукин сын, все лампочки. Может,— говорит,— ты вместо его сыграешь. Публика дура — не поймет.

Играю я в действии купца. Кричу, значит, ногами от грабителей отбиваюсь. И чувствую, будто кто-то из любителей действительно мне в карман лезет.

Запахнул я пиджачок. В сторону от артистов. Отбиваюсь от них. Прямо по роже бью. Ей-богу!

— Не подходите,— говорю,— сволочи, честью прошу.

А те по ходу пьесы это наседают и наседают. Вынули у меня бумажник (восемнадцать червонцев) и к часам прутся.

Я кричу не своим голосом: — Караул, дескать, граждане, всерьез грабят.

А от этого полный эффект получается.

Публика-дура в восхищении в ладоши бьет.

Вижу — один любитель кровью исходит, а другие, подлецы, в раж вошли и наседают.

— Братцы,— кричу,— да что ж это? За какое самое это страдать-то приходится?

Дали занавес. Воды мне в ковшике принесли. Напоили.

— Режиссер,— говорю,— Иван Палыч. Да что ж это,— говорю.— По ходу,— говорю,— пьесы ктой-то бумажник у меня вынул.

Ну, устроили обыск у любителей. А только денег не нашли. А пустой бумажник кто-то в кусты кинул».

На дне

«Воровское занятие представляет в настоящее время незначительный интерес. Отчасти, конечно, многие перековались, а некоторых, как говорится, не устраивает выбор ассортимента. Вдобавок ко всему наша милиция и уголовный розыск поднялись на недосягаемую высоту.

Вот взгляните, какое истинное происшествие случилось у нас в Ленинграде. Один гражданин, некто Ф., немного выпил. Он получил деньги, зашел в какой-то приятный восточный уголок, присел там под пальму и, как говорится, немножко перелил через край.

А это увидели два бандита. Они сидели тут же, в ресторане. И вот они подсели до него.

Сказали ему пару комплиментов. И тот вдохновился, выпил еще и надрался, как говорится, до шариков.

И вот тогда представители уголовного мира вывели нашего беспутного гражданина на улицу, завели в переулок, там ударили его по мордасам и обобрали до последней нитки.

При нем оставили только кальсоны и носки, которые не взяты были по причине дряхлости товара. Ограбленный папаша, мало чего соображая, прикорнул в таком немыслимом виде у забора и сладко заснул. Только проспал он, может быть, не больше часа. Хватить себя за штаны – а их нету. Он щупает себя повыше – а пиджака нету и рубашки не имеется. Только подштанники при нем и носочки.

Тогда он трогает себя еще повыше и видит: личность у него повреждена – распухши и что-то ноет. Вот наш папаша ужаснулся, вскочил на полуодетые свои ножки и попорол домой.

Уголовный розыск в ту же ночь задержал этих двух воров. Стали их расспрашивать, где украдены вещи. Говорят, с человека сняли. В переулке. Пошли в переулок. А там уже нету этого человека. Работники розыска говорят: – Ненормально. Вещи есть. Воры есть. А потерпевшего нету. Придется его искать. Преступники нам сравнительно легко даются, а пострадавших нам наиболее трудно отыскать. Очень они не любят, чтоб их находили.

Три дня шарили по городу. И на четвертый день потерпевшего нашли по почтовой квитанции, которая была в кармане его украденных брюк.

Потерпевший отнекивался и всех уверял, что это не он был избит и раздет, но истина все же восторжествовала. Была устроена очная ставка с ворами. И те сразу признали в нем свою жертву».

Мокрое дело

«Давеча возвращаюсь домой из гостей. Одиннадцать вечера. Темно. Безлюдно. На сердце неясная тревога. В груди трепет и волнение по причине позднего часа.

«Только бы, думаю, с бандитами не встретиться или с хулиганами. А уж если, думаю, суждено встретиться, то пушай лучше с хулиганами встречусь. Хулиганы, они как-то симпатичней. Ну пошалят, ну по морде трахнут, ну зуб-другой вынут. Только и всего».

Подхожу к дому. «Теперь, думаю, самый беспокойный промежуток остался — лестница». Поднимаюсь по лестнице. Дохожу до второй площадки. Вдруг слышу, на верхней площадке кто-то ногами чиркает. Поглядел я наверх. Вижу, стоит какой-то ренегат. И в руках что-то держит. Какое-то тупое орудие.

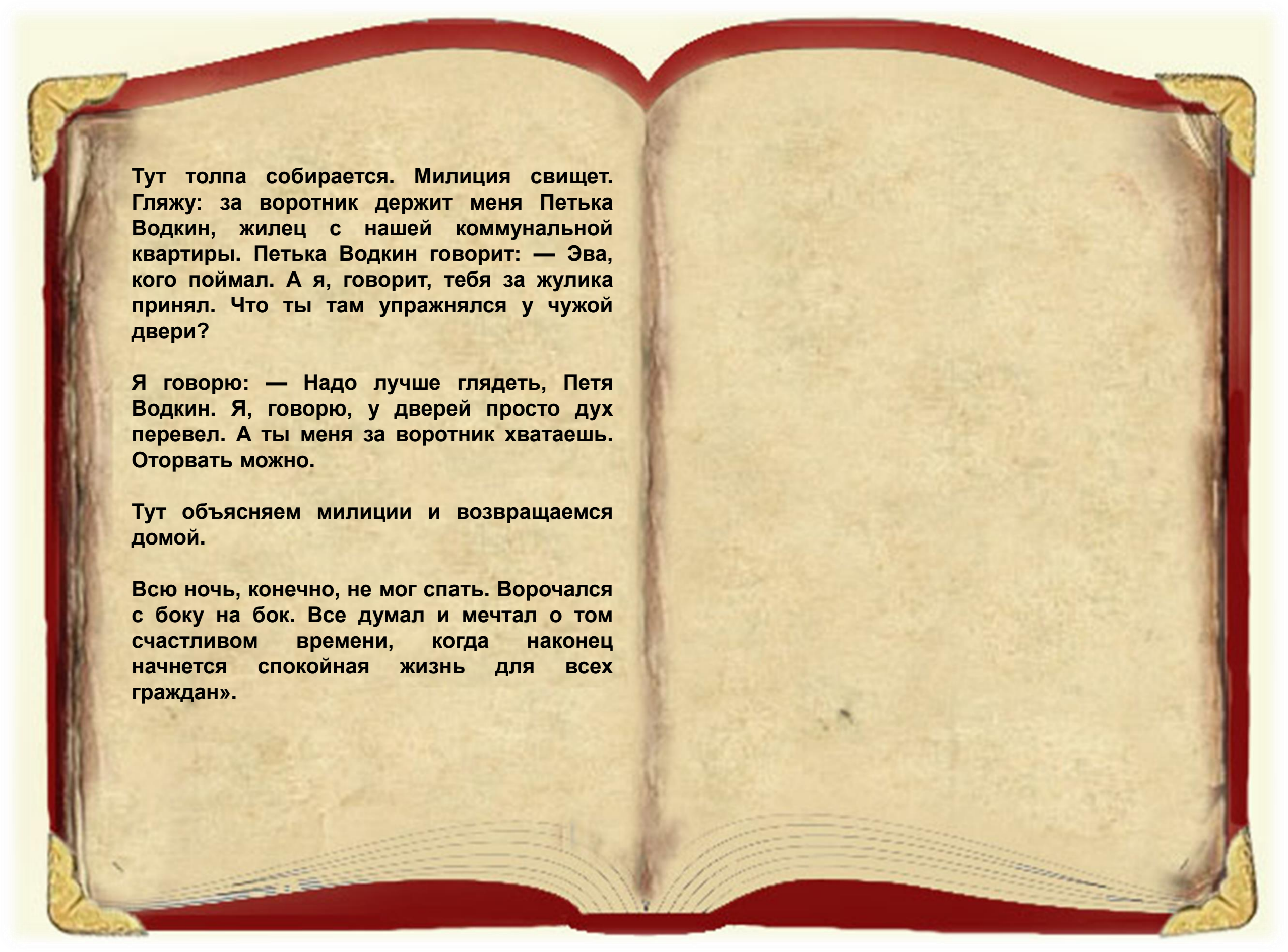
Сразу я, конечно, остановился. Затаил дыхание. Стою. Только сердце в груди отчаянно бьется.

И слышу, тот тоже меры принял. Тоже замер, прекратил дыхание и ногами не ходит. Ждет, когда я до него дойду.

Стою и не дышу, только зубы удерживаю, чтоб зря не лязгали. А стою я на площадке второго этажа. Недалеко чья-то квартира. «Бежать во двор, думаю, поздно. Сейчас, думаю, осторожно подвинусь к двери, нащупаю звонок и позвоню. Пушай будет тревога по всему дому». Нашел ручку. Стал ее легонько дергать.

Вдруг сверху как ринется бандит на меня. Ноги у меня подкосились. И дух замер. Собрался с силами. Скакнул в сторону. Он за мной. Я вниз. Он по пятам. Прямо, чувствую, за воротник хватает. Я по двору. Через ворота. На улицу. Кричу. Хватает он меня за воротник и роняет на пол.

Тут толпа собирается. Милиция свищет. Гляжу: за воротник держит меня Петька Водкин, жилец с нашей коммунальной квартиры. Петька Водкин говорит: — Эва, кого поймал. А я, говорит, тебя за жулика принял. Что ты там упражнялся у чужой двери?

Я говорю: — Надо лучше глядеть, Петя Водкин. Я, говорю, у дверей просто дух перевел. А ты меня за воротник хватает. Оторвать можно.

Тут объясняем милиции и возвращаемся домой.

Всю ночь, конечно, не мог спать. Ворочался с боку на бок. Все думал и мечтал о том счастливом времени, когда наконец начнется спокойная жизнь для всех граждан».

Засыпались

«На ткацкой фабрике стала пропадать пряжа. На шестой год рабочие взбеленились и устроили собрание.

Все кроют последними словами воров. По очереди каждый гражданин выходит к помосту и кроет.

Вышел ткач Егоров, Василий Иванович.

— Братцы, — говорит, такая чудная пряжа пропадает — жалко же. Была бы дрянь пряжа — разве плакали бы?! А то такая пряжа, что носки я три года не снимая ношу — и ни дырочки.

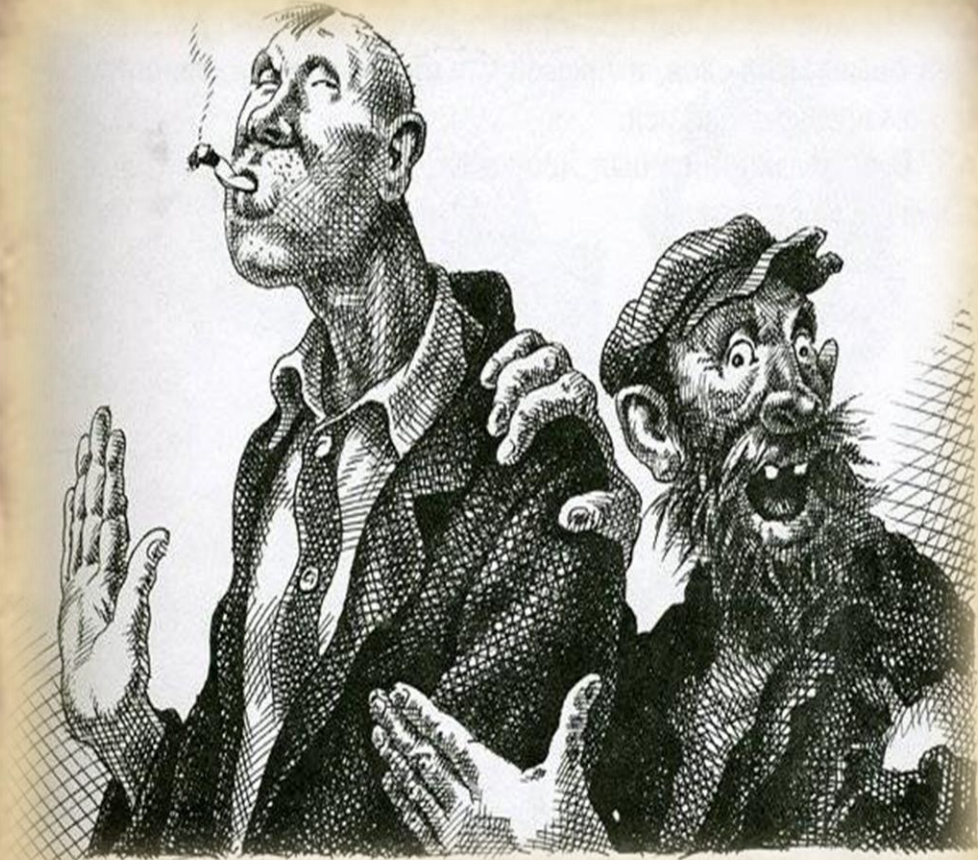
Тут с места встает старший мастер Кадушкин.

— Ха! — говорит, — носки. Я вот, говорит, свитер, с этой пряжи два года ношу, и все он как новенький. А ты, чудака, с носком лезешь.

Тут еще один ткач встает с места.

— Свитер, — говорит, — это тоже не разговор, товарищи. Я, говорит, перчатки шесть лет ношу, и хоть бы хны. И еще десять лет носить буду, если их не сопрут. А сопрут, так вор, бродяга наносится... И дети, говорит, все у меня перчатки носят с этой пряжи. И родственники. И не нахвалятся.

Тут начали с места подтверждать, дескать, пряжа, действительно, выдающаяся, к чему спорить.

И не лучше ли, за место спора, перейти к делу и выискать способ переловить мошенников.

Были приняты энергичные меры: дежурства, засады и обыски. Однако воров не нашли.

И только на днях автор прочел в газете, что семь человек с этой фабрики все-таки засыпались. Среди засыпавшихся были все знакомые имена: старший мастер Кадушкин, Василий Иванович Егоров и другие».

Собачий нюх

«У купца Еремея Бабкина сперли енотовую шубу. Взвыл купец Еремей Бабкин.

— Шуба-то,— говорит,— больно хороша, граждане. Жалко. Денег не пожалею, а уж найду преступника. Плюну ему в морду. И вот вызвал Еремей Бабкин уголовную собаку-ищейку. Является этаким человек в кепочке, в обмотках, а при нем собака.

Ткнул этот человек собачку свою в следы возле двери, сказал «пс» и отошел. Понюхала собака воздух, повела по толпе глазом (народ, конечно, собрался) и вдруг к бабке Фекле, с пятого номера, подходит и нюхает ей подол.

Бабка за толпу. Собака за юбку. Ухватила бабку за юбку и не пускает. Рухнула бабка на колени перед агентом.

— Да,— говорит,— попалась. Не отпираюсь. И,— говорит,— пять ведер закваски —это так. И аппарат — это действительно верно. Все,— говорит,— находится в ванной комнате. Ведите меня в милицию. Ну, народ, конечно, ахнул.

— А шуба?— спрашивают.

— Про шубу,— говорит,— ничего не знаю и ведать не ведаю, а остальное — это так. Ведите меня, казните.

Ну, увели бабку.

Снова взял агент собачищу свою, снова ткнул ее носом в следы, сказал «пс» и отошел.

Повела собачища глазом, понюхала пустой воздух и вдруг к гражданину управдому подходит.

Побелел управдом, упал навзничь.

— Вяжите,— говорит,— меня, люди добрые, сознательные граждане. Я,— говорит,— за воду деньги собрал, а те деньги на прихоти свои истратил.

Ну, конечно, жильцы навалились на управдома, стали вязать.

А собачища тем временем подходит к гражданину из седьмого номера. И тербит его за штаны.

Побледнел гражданин, свалился перед народом.

— Виноват,— говорит,—виноват. Я, — говорит,— это верно, в трудовой книжке год подчистил. Мне бы, говорит, жеребцу, в армии служить и защищать отечество, а я живу в седьмом номере и пользуюсь электрической энергией и другими коммунальными услугами. Хватайте меня! Растерялся народ.

«Что,— думает,— за такая поразительная собака?» А купец Еремей Бабкин заморгал очами, глянул вокруг, вынул деньги и подает их агенту.

— Уводи,— говорит,— свою собачищу к свиньям собачьим. Пушай,— говорит,— пропадает енотовая шуба. Пес с ней...

А собачища уж тут. Стоит перед купцом и хвостом вертит.

Растерялся купец Еремей Бабкин, отошел в сторону, а собака за ним. Подходит к нему и его калоши нюхает.

Заблекотал купец, побледнел.

— Ну,— говорит,— бог правду видит, если так. Я,— говорит,— и есть сукин кот и мазурик. И шуба-то,— говорит,— братцы, не моя. Шубу-то,— говорит,— я у брата своего зажил. Плачу и рыдаю!

Бросился тут народ врассыпную. А собачище и воздух некогда нюхать, схватила она двоих или троих — кто подвернулся — и держит.

Покаялись эти. Один казенные денежки в карты пропер, другой супругу свою утюгом тюкнул, третий такое сказал, что и передать неловко.

Разбежался народ. Опустел двор. Остались только собака да агент.

И вот подходит вдруг собака к агенту и хвостом виляет. Побледнел агент, упал перед собакой.

— Кусайте,—говорит, — меня, гражданка. Я,— говорит,— на ваш собачий харч три червонца получаю, а два себе беру...

Чего было дальше — неизвестно. Я от греха поскорее смылся».

Попалась, которая кусалась

«Это, кажется что, в Тамбове было. В резерве милиции. Лошадь Васька укусила милиционера, гражданина Трелецкого.

Повел Трелецкий на водопой Ваську. А жеребец Васька играть начал. Схватил для потехи руку и рвать начал.

Ну, крики, одним словом, охи, и кровь течет. А лошадь забавляется. Ей вроде это нравится так бузить.

Собрался резерв милиции, вырвал гражданина и в больницу его в карете «скорой помощи».

А насчет преступной лошади читатель, конечно, может полюбопытствовать, чего, например, с ней сделали. — Думаете — ее в тюрьму посадили? Верно! Одним словом, посадили ее в губернский дом заключенных и рапортичкой с отделом труда снесли, дескать, —

Сообщаем, что лошадь, от которой произошел несчастный случай с милиционером, переведена в Губдомзак, где пока ведет себя прилично, причем об укусах Губдомзак предупрежден. В дальнейшем лошадь предназначена к продаже...

Врид. Нач-ка Адм. отдела (подпись)

Одним словом, угробили лошадку. Попалась, которая кусалась. Да и куда попала — в дом заключения с изоляцией.

Иная лошадь лоб себе расшибет, начальника милиции забодает и то такой чести не дождется. Тут уж кому какое счастье, читатель. Не правда ли?

А вот жеребцу Ваське — счастье.

А лошади в Тамбове, говорят, перестали кусаться. Как рукой сняло».

Вор

«Был Васька Тяпкин по профессии карманник. В трамваях все больше орудовал.

А только не завидуйте ему, читатель, – ничего не стоящая это профессия. В один карман влезешь – дерьмо – зажигалка, может быть; в другой влезешь – опять дерьмо – платок или, например, папирос десяток или, скажем, еще того чище – счет за электрическую энергию.

А которые поценнее вещи – бумажник там или часы, что ли – дудки.

А и подлый же до чего народ пошел! Гляди в оба, как бы из твоего кармана чего не стырили. И стырят. Очень просто. На кондукторшину сумку, скажем, засмотрелся – и баста – стырили уж!

Елки-палки...

Ну а что касается ценностей, то не иначе, как пассажиры по подлости своей на груди их носят или на животе, что ли. Места эти, между прочим, нежные, щекотки нипочем не выносят. Пальцем едва колупнешь – крики: ограбили, дескать. Смотреть противно.

Оптик один полупочтенный из налетчиков посоветовал Ваське Тяпкину от чистого сердца переменить профессию. Переменить, то есть, специальность. – Время, – говорит, – нынче летнее. Поезжай-ка, говорит, братишка, в дачные окрестности. Облюбуй какую-нибудь дачу и крой после.

Так Васька и сделал. Поехал в Парголово.

Видит, стоит одна дача жилая и на взгляд превосходная. На заборе заявление: медик Корюшкин, по женским болезням.

Залег Васька в кусты, что у медика в саду за клумбами, стал следить, что вокруг делается. А делается: нянька в сад с пятилетним буржуйчиком гулять вышла. Нянька гуляет на припеке, а парнишка по саду мечется, в игры играет. Игр этих у него до дьявола: куклы, маховички разные заводные, паровозики... А одна игра совсем любопытная – волчок, что ли. Заводом заведешь его – гудит это ужасно как, и сам по земле, что карусель, крутится.

Ночью влез Васька в комнату – темно. Ночь хотя и светлая, а в чужих апартаментах трудно разобраться. Пошарил Васька руками – буфет, что ли. Открыл ящик. Пустяки в ящике – дерьмо – игрушки детские.

Стал Васька выкладывать из ящика игрушки – волчок в руки попал. Тот самый, что в саду пускали давеча.

Торопился Васька, рассыпал что-то, зазвенело на полу.

Только смотрит – на кровати парнишка зашевелился. Встал. Пошел к нему босенький.

Оробел сначала Васька.

– Спи! – сказал. – Спи, елки-палки.

– Не трогай! – закричал мальчик. – Не трогай игрушки.

«Ах, ты, – думает Васька, – засыпаться так можно». А мальчик орет, плакать начинает.

– Не трогай. Мои игрушки...

– Врешь, – сказал Васька, пихая в мешок игрушки, – были это, точно, твои, а теперь ищи-свищи...

Выкинул Васька мешок за окно и сам прыгнул. Да неловко прыгнул – грудь зашиб. Вскинул мешок на плечи, хотел бежать, про волчок вдруг вспомнил.

– Стоп! – сказал Васька. – Где волчок? Не забыл ли я волчок? Елки-палки.

Пощупал мешок – здесь. Вынул Васька волчок. Пустить охота, не терпится.

Закрутил он на полный ход, пустил. Гудит волчок, качается.

Засмеялся Васька. Прилег наземь от смеха.

Еще не докрутился волчок, как закричали вдруг в доме:

– Вор... Держи вора!

Вскочил Васька, хотел бежать – бряк по голове кто-то. Да не шибко ударили. Неопытно. Рухнул хотя Васька на землю, но вскочил после.

Побежал Васька, закрывши рукой голову.

Пробежал версту, вспомнил: пиджак забыл. Чуть не заплакал с досады Васька. Присел в канаву.

«Эх, – думает, – елки-палки. Переменить профессию надо. Ничего не стоящая профессия, хуже первой. Последнего, скажем, пиджачка лишился. Поступлю-ка я в налетчики. Елки-палки».

И пошел Васька в город».